

О. С. Иссерс
Омск, Россия

O. S. Issers
Omsk, Russia

**В ПОИСКАХ ОБЩЕГО СЛОВАРЯ:
ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ
НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ПРОЕКТОВ «СЛОВО ГОДА»**

**IN SEARCH OF COMMON VOCABULARY:
CONTEMPORARY DISCURSIVE PRACTICES
THROUGH THE PRISM OF PROJECTS “WORD OF
THE YEAR”**

Аннотация. Анализируются российские проекты «Слово года» (2012—2013). Рассматриваются «ключевые слова» и продуктивные словообразовательные модели. Определены наиболее популярные модели образования неологизмов в современной политической коммуникации. Автор приходит к выводу, что «слова года» отражают не только специфику общественного диалога в России, но и креативный потенциал его субъектов.

Abstract. The article focuses on the analysis of the Russian projects “The Word of the year” (2012-2013). It deals with the “key words” and productive derivative models. The most popular models of derivation of neologisms in modern political communication are defined. The author concludes that “words of the year” not only reflect the specific nature of the social dialogue in Russia, but also display the creative potential of its subjects.

Ключевые слова: слово года; неологизм; политический дискурс.

Key words: word of the year; neologism; political discourse.

Сведения об авторе: Иссерс Оксана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, декан факультета филологии и медиакоммуникаций, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики.

About the author: Issers Oxana Sergeevna, Doctor of Philology, Professor, Dean of The Department of Philology and Media, Head of Theoretical and Applied Linguistics Chair.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Place of employment: Omsk State University named after F. M. Dostoevsky.

Контактная информация: 644077, г. Омск, пр-т Мира, 55а, 2-й корп. ОмГУ, к. 221.
e-mail: isserso@mail.ru.

В последние годы развитие гражданского общества и попытки построения полноценного общественного диалога в России в явной и скрытой форме обнаруживают конкуренцию дискурсов, которая всегда обостряется в периоды борьбы за социальную власть. Эта власть проявляется в доступе не только к материальным, но и к символическим ресурсам — знаниям, образованию, публичной коммуникации, а также в контроле над ними. «Тому, кто может убеждать, соблазнять, внушать или манипулировать людьми, не нужно применять силу» [Дейк 2013: 32].

Активность оппозиции в 2011—2012 г. дала новый импульс к развитию политического лексикона, который всегда чутко реагирует на социальное напряжение в обществе [Иссерс 2014: 219—224]. Так, еще в конце прошлого века В. Г. Костомаров отмечал, что на смену «осторожно-чистой, сверхправильной речи времен тоталитаризма пришел резко раскрепостившийся, свободный язык нового времени» [Костомаров 1994: 72]. В современном политическом дискурсе несомненными лидерами в языковой либерализации стали традиционные и новые медиа, которые моментально подхватывают речевые новшества и активно изобретают свои собственные.

Конкуренция в борьбе за контроль над публичным дискурсом проявляется в том, чтобы устанавливать свои принципы и нормы социальных практик и по-своему их описывать. Это легко обнаружить в материалах традиционных и новых медиа.

10-е годы нашего столетия отмечены новым всплеском неологической активности. В попытке построения равноправного общественного диалога общество захлестнула волна критического осмысления социальных реалий, что отразилось в активном формировании новых дискурсивных практик и лексических новообразований.

«То, что сейчас происходит в СМИ, стоит назвать войной формулировок,— замечает Игорь Задорин, руководитель исследовательской группы «Циркон». — Например, социологи обнаруживают, что треть россиян — активна. Но от того, как они назовут эту треть — гражданским обществом, протестным электоратом или ресурсом правящего режима, — в конечном итоге зависит, как будет выстраиваться публичная политика. Парадокс в том, что называть можно и так, и так: **общего „словаря“ в стране нет**» [Филина 2014].

ГИПОТЕЗА И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Поиски словаря» — одна из причин того, что исследователи называют «неогенным бумом» [Попова, Рацибурская, Гугунава 2011].

В качестве гипотезы мы рассматриваем идею о том, что в целом поиски нового словаря и «воля к смыслообразованию» являются дискурсообразующими установками для политической коммуникации. При этом взаимодействие между социальными и дискурсивными структурами не есть только каузативное взаимодействие. «Язык отражает общество не как зеркало, а как спарринг-партнер. Отражает удары, наносит

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-04-00487/14 «Новые медиа в России: исследование языка и коммуникативных процессов»).

© Иссерс О. С., 2014

свои, передразнивает, нападает, бросает вызов...» — замечает М. Эпштейн [Эпштейн 2014]. Основной стратегией, определяющей специфику современной политической неологии, можно считать «борьбу за значение», причем с установкой на критический по отношению к политическому оппоненту эффект. Это не исключает, а, наоборот, способствует широкому использованию различных приемов языковой игры на разных уровнях.

В последние годы появилось несколько социально-лингвистических интернет-проектов, которые предоставляют широкое поле для наблюдений и выводов. Во-первых, это проекты «Слово года» (М. Эпштейн) и проводимое компанией «Public.ru» исследование «Пресс-слово года».

Проект М. Эпштейна стартовал в России в 2007 г. как продолжение международной традиции: в США подобные «выборы» проходят с 1990 г., в европейских странах они также весьма популярны (см., например: [Word of the Year 2013]). Это взгляд на языковую жизнь российского общества, ограниченную четкими календарными рамками одного года: по нескольким словам можно судить о том, какова была атмосфера того времени. Отбор проходит через социальную сеть «Facebook», где выбирают неологизм года и слово года. После того как около 300 человек из разных групп предложат свои слова года и неологизмы, экспертный совет (филологи, лингвисты, писатели, журналисты, культурологи) выбирает «лидеров» по пятибалльной системе. Как отмечает организатор конкурса Михаил Эпштейн, 2012—2013 гг. оказались самыми щедрыми на новые слова и выражения с тех пор, как проводится этот конкурс. За все нулевые годы (а может, и со времен перестройки) в язык не вошло сразу так много понятий, прежде всего общественно-политических.

Схожая методика опроса реализована в спецпроекте «Словарь года» на сайте «Большой город» [Словарь года], который также нацелен на выявление новых слов и выражений силами читателей.

Проект «Пресс-слово года 2012» и «Пресс-слово года 2013» реализовала компания «Public.ru». С помощью собственной системы медиапоиска и анализа (более 4000 СМИ) аналитики постарались зафиксировать неологизмы, авторскую креативную лексику и вернувшиеся обратно в активное употребление редко используемые слова и термины, на основании чего были составлены рейтинги «Новая 2013» и «Пресс-портрет 2013».

Для целей нашего исследования оба проекта, несомненно, представляются актуальными источниками.

По словам филолога, профессора американского университета, основателя проекта «Слово года» М. Эпштейна, 2012 год, ознаменованный митинговой активностью, ощущением начавшихся перемен, оказался необычайно щедрым на новые слова и выражения: «В обще-

ственном и политическом вакууме 2000-х годов вся скрытая энергия российского бытия, вся тоска по смыслу и воля к смыслообразованию, стали опять переходить в язык, в языкотворчество, потому что больше им просто некуда было деться» [Архангельский 2012: 20].

2013 г. также отмечен появлением большого количества новых слов, несмотря на то, что, по мнению М. Эпштейна, произошло «торможение эмоциональной сферы, <...> преобладают интонации вялого отбреживания, ленивого и безнадежного сарказма. Уровень эмоциональности близок к нулю» [Эпштейн 2014].

На наш взгляд, на материале указанных проектов можно обнаружить механизмы конкуренции за «смыслообразование». «Слово года» — это своеобразный социально-политический портрет года, реконструированный через номинативные лингвистические маркеры. Каковы эти лингвистические маркеры? Какого рода информацию они позволяют получить?

Рассмотрим наиболее яркие тенденции в формировании нового социально-политического словаря последних лет, которые можно обнаружить по проектам «Слово года» последних двух лет.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Лексические единицы, вошедшие в список «слов года», отражают фокусы общественного внимания «за отчетный период» (с учетом методики сбора материала). Их можно рассматривать в качестве индикаторов социальных изменений, маркеров меняющейся системы ценностей. Применительно к общественно-политическому дискурсу Т. В. Шмелева в начале 90-х гг. назвала их «ключевыми словами текущего момента» [Шмелева 1993]. Господствуя в понятийно-лексическом поле текстов СМИ, они выполняют роль ключа для целой группы связанных с ними идей и понятий. Признаки данной группы слов: 1) высокая частотность, в том числе использование в заголовочных комплексах и рубриках; 2) словообразовательный потенциал (активное использование для образования новых слов); 3) языковая рефлексия; 4) текстогенность [Шмелева 1993, 2009]. Рассматриваемый материал является весьма репрезентативным для подобного анализа, поскольку соответствует основному признаку «ключевых слов» — высокой частотности. Корпус «слов года» позволяет провести анализ их словообразовательного потенциала, а также обнаружить следы лингвистической рефлексии, что находит отражение в различных приемах языковой игры.

Для целей нашего исследования актуально, что динамика ключевых слов, с одной стороны, значимая дискурсивная характеристика, с другой — существенный показатель социальной жизни общества. В табл. представлена выборка лексики с наибольшим ростом частотности (по результатам проекта «Пресс-слово года»).

Таблица. Лидеры роста 2013 г.

Единица	2012	2013
Болотное дело	5143	20546
госдура	31	701
двушечка	304	691
Диссернет	1	791
евроинтеграция	9213	51503
евромайдан	0	35552
титушки	0	2599
сердюковщина	59	383

Сравнение результатов двух проектов 2013 г. (М. Эпштейна и «Пресс-слово года») позволяет обнаружить, что в фокусе общественного интереса находятся приблизительно одни и те же события. Однако в списке слов М. Эпштейна заметен акцент на оценку их с точки зрения оппозиции власти: *пехтинг* — 31 %, *Болотный процесс* — 30 %, *диссернет* — 27 %, *евромайдан* — 25 %, *факелоносцы* — 21 %, *распилиада* — 18 %, *мизулинг*, *мизулинка* — 10 %, *оборонсервис* — 9 %.

«Пресс-слово 2013» отражает позицию СМИ более сдержанно, фиксируя отношение к денотату/сигнификату имплицитно, через сам факт повышенной частотности: *евроинтеграция*, *Болотное дело*, *майские указы*, *Бирюлевская овощебаза*, *единый учебник истории*, *духовные скрепы* (*скреп*) и др. Естественно, что большая часть этого списка связана с политическими событиями прошедшего года на Украине: самыми популярными неологизмами на страницах СМИ стали *евромайдан* (с большим отрывом — первое место в рейтинге) и *титушки* (второе место)¹. Кроме лидеров рейтинга, на страницах российских СМИ зафиксированы многочисленные производные от ключевого топонимического маркера — *майдан*: *майдановцы*, *майдауны*, *майданутые*, *майданобайкеры* и *майданобайтеры*, *майданофраза*, *майданофил* и др.

Однако нельзя не заметить чувствительность СМИ к некоторым дискурсивным фактам, отражающим не столько общественно-политическую ситуацию, сколько персонифицированную реакцию на нее. Так, победителем проекта «Слово года 2013» по версии М. Эпштейна стало имеющее длинную медийную историю слово *госдура*, произнесенное в эфире (якобы как оговорка) известным телеведущим Владимиром Познером. Парадоксальное оксюморонное сочетание независимо от желания или нежелания его автора было подхвачено прессой и стало знаком жесткой оценки деятельности Государственной думы за прошедший год.

¹ Лица спортивной внешности, провокаторы с Евромайдана. Слово произошло от имени украинского спортсмена Вадима Титушко, ставшего известным после нападения на журналистов, освещавших события акции оппозиционного протеста.

Заметной дискурсивной (и не только) характеристикой 2012—2013 гг. стала *двушечка* — слово было произнесено В. Путиным в октябре 2012 г. в контексте приговора группе Pussy Right: *...дело стали раскручивать и докатили до суда, а суд залепил им двушечку* [Путин о приговоре PR 2012]. Контраст значения этой лексической единицы ('два года тюремного заключения') и формы диминутива является маркером не только отдельной языковой личности, но и заметного сдвига по этической шкале.

«Слово года» отражает не только конкретные реалии, но и оценку обществом тех или иных событий, личностей (*титушки*, *сердюковщина*), что видно по включению в списки как нейтральных, так и оценочных номинаций (оценка может быть как явной — *майданутые*, — так и скрытой). Так, *13-комнатная квартира* фаворитки экс-министра Сердюкова с точки зрения политических реалий должна находиться на периферии словаря года. Однако, будучи маркером коррупции в органах государственной власти, закономерно входит в топ медийного рейтинга.

Анализ явных и скрытых оценочных словоупотреблений не позволяет согласиться с мнением М. Эпштейна о том, что уровень эмоциональности в «слове 2013» близок к нулю. Обобщая результаты двух проектов, можно заметить, что почти для всякого нейтрального употребления есть оценочный коррелят и обе номинации так или иначе представляют один и тот же фрейм социально-политической жизни страны:

деофшоризация — *киприоты России*, *патриоты-киприоты*;

евромайдан — *евросодом*, *майданутые*; *пенсионная формула*, *пенсионный калькулятор* — *пехтинг*, *мизулинг*, *Госдура*, *думак*;

Оборонсервис — *13-комнатная квартира*, *сердюковщина*, *дамы Сердюкова*, *шубохранилище*.

Полученные разными методами количественные данные, ставшие базой для формирования актуального словаря 2012—2013 гг., дают возможность увидеть более значимые, содержательные характеристики современного политического дискурса.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАТОЛОГИЯ

Одним из традиционных приемов выражения экспрессии является актуализация внутренней формы и **прием паронимической аттракции**. Подобные оценочные новообразования, построенные на основе сходства в звучании отдельных компонентов двух «сближаемых» слов, очень характерны для социальной критики: они высвечивают наиболее острые проблемы общественной жизни. В 90-х гг. в фокусе общественного внимания были *прихватизация* и *прихватизаторы*, *демокрады*, *дерьмократы* и др. [Какорина 1996: 422]. В 2011 г. в лидерах «Слов года» зафиксированы окказионализмы *здравохоронение*, *извирательная кампания*. Дискредитирующий потенциал паронимической игры обнаруживается в

шуточном названии политической партии — «*Киприоты России*» (2013), отсылающем к прототипу — партии «Патриоты России». Намек на несоответствие декларируемых и истинных ценностей ее лидеров содержится в имплицитной отсылке к мошенническим схемам приобретения капитала путем ухода в офшорные зоны (одна из них — Кипр).

События, связанные с упразднением в 2013 г. Академии наук и передачей руководства наукой Федеральному агентству по научным организациям, отразились в окказиональных дериватах *наукопомрачение*, *десциенция* (от *descientia* — ср. *деменция*; буквально «обезнаучивание», слабоумие в масштабах страны) и *проФАНация науки* (от *profanatio* — искажение, опошление).

Источником подобных окказионализмов, построенных на основе паронимической аттракции, нередко являются имена известных политических деятелей: *Небольшая путиница в протоколах*. В целом — *все очуровательно!* (Владимир Чуров — председатель Центральной избирательной комиссии в 2012—2013 гг.).

Такое использование антропонимов не ново как в художественной, так и в публицистической речи. Исследователи отмечают, что в постперестроечный период собственные имена политических и общественных деятелей порождали целые серии производных разнообразной семантики и структуры. Так, ключевое имя собственное 90-х гг. — Ельцин — стало основой для производства разнообразных окказионализмов — от иронических *ельцинолюб*, *ельцинофобия* до уничижительных *ельциноголовые интеллигенты* и *ельциноиды* [Земская 1996]. Искаженные имена политических лидеров активно использовались в оппозиционной прессе как своеобразные «обзывалки»: *Чубаучер* (*Чубайс*), *Черномырдная рябина* (*Черномырдин*), *Пол таранил* (*Потаранин*) и др. [Какорина 1996: 422].

Традиция «антропонимических игр» с именами политических противников продолжается и в настоящее время: *Созывали силком*. *Любви к „лидеру“ это не добавляет, как раз наоборот*. *Чем дальше, тем больше старания теперь володинских сурков наводят уныние и неприязнь к такой заботе (ЖЖ)*. Аллюзия на бывшего вице-премьера правительства Владислава Суркова, которого считали главным идеологом Кремля, и одного из функционеров «Единой России» В. Володина достаточно очевидна — так же, как и внутренняя форма именования последователей партийного лидера.

Наиболее яркие примеры «нового русского слова» (в том числе и по данным проекта Михаила Эпштейна) построены **на основе контаминации**, или «междусловного наложения» [Журавлев 1982]. В. К. Харченко относит данный прием к проявлениям компрессии — сжатия речевых форм: «Как средство языковой игры, контаминация захвачена публицистическим дискурсом» [Харченко 2012: 59—61].

Наблюдения за функционированием слов-гибридов в политической риторике постсоветского периода показывают их активное использование в стратегии дискредитации политического противника: *гайдарономика* (калька с популярных в США в 70—90-х гг. терминов *рейганомика*, *клинтономика*), *демунисты* (наложение слов *демократы* и *коммунисты*), *коммунофашизм*, *иудокоммунисты* (примеры Е. А. Земской и Е. В. Какориной).

Потенциал этой словообразовательной модели (во всех ее вариациях) оказался востребованным и в риторике «текущего момента»: в число «слов года» вошли *тандемократы* (2012), *Азиопа*, *Москвабад*, *распилиада* (2013).

По списку наиболее актуальных слов 2013 г., образованных по модели контаминации, «чувствуется сфокусированность, плотность политического сознания, которая отражает произошедшие события года» [Архангельский 2012: 20]. Там есть *религархия*, обозначающая сращение религии и политики во властных структурах. К этому же семантическому полю, отражающему реалии политической жизни, относится *кривосудие*. Заметим, что иронический скепсис по поводу технологического прорыва России, провозглашенного экс-президентом Д. А. Медведевым, отразился в «слове 2011» — *нанопрезидент*.

Нужно сказать, что большая часть лексических единиц, отмеченных в проектах Михаила Эпштейна и «Public.ru» как «неологизмы года», появилась не за счет заимствований, а на исконно русской почве: слова образованы из морфем русского языка, построены по его словообразовательным моделям. Первую премию на конкурсе авторских неологизмов года получило слово *молчевидец* (автор Отар Бежанов) — ‘тот, кто видит, но молчит’. Отмечены также *ропщественность* (‘приглушенное возмущение’), *всегодяй* (негодяй — ‘тот, кто никуда не годится’, а всегодяй — ‘тот, который всегда и на всё способен, и на хорошее, и на плохое’). Даже из этого небольшого списка видно, насколько сильным воздействующим потенциалом обладает словообразовательная модель контаминации.

Контаминационная и другие словообразовательные модели в политическом дискурсе нередко востребованы в целях обозначения роли общественных и государственных деятелей, персонификации их ответственности за те или иные события, процессы. В 90-х годах было популярно слово *чубаучер* (приватизацию и ее инструмент — ваучеры — связывали с именем А. Чубайса), зафиксировано *ГКЧПуга* (от *ГКЧП* и фамилии одного из инициаторов путча — *Пуго*) (примеры Е. А. Земской). В политической ситуации 2011—2012 гг. значительную роль играл председатель Центральной избирательной комиссии В. Чуров. Социальная оценка его действий в оппозиционном дискурсе закрепились в словосочетаниях, построенных на аллюзиях: *чуровщина года* и *чурова победа*.

В последние годы в «политических» окказионализмах актуализируется ответственность президента России В. В. Путина. Так, в 2012 г. Поклонная гора в противовес митингам на Болотной и Сахарова собрала свое сообщество — тех, кто выступал против угрозы «оранжевой» революции и активно поддерживал кандидатуру В. В. Путина на предстоящих президентских выборах. Именно поэтому митинг на Поклонной горе, как и все последующие провластные акции, в дискурсе оппозиции получил название *путинге*.

Ярким примером быстроты персонафицированной языковой реакции на события общественной жизни может служить следующий факт. Весной 2013 г. известный французский актер Ж. Депардьё, уходящий от налогов в своей стране, обратился к президенту России с просьбой о получении российского гражданства, что активно обсуждалось в прессе и блогах. В результате его просьба была удовлетворена, более того, ему было предоставлено элитное жилье. Язык отреагировал стремительно, обозначив подобные действия глаголом *депардьироваться*.

Картина «политического словообразования» была бы неполной без нарицательных имен лиц — участников активных политических действий. Как отмечено еще в 90-х гг. Е. А. Земской, «герой современного словообразования — человек» [Земская 1996: 103]. Именно поэтому наиболее активны такие разряды наименований, которые отражают героев социально-политической сцены. Протестные акции 2011—2012 гг. внесли свой вклад в состав «нового русского словаря»: *белоленточник* (сторонники оппозиции в знак мирного характера протеста носили на груди белые ленточки), *кошунники и кошунницы* (солистки группы «Pussy Riot», устроившие панк-молебен в храме Христа Спасителя), *болотник* (тот, кто протестовал на Болотной площади), *карусельщик* (участник фальсификационных действий с открепительными талонами на выборах — карусели), *нашист* — сторонник движения «Наши» (примечательно, что эта же лексема использовалась в украинском политическом дискурсе для обозначения членов партии «Наша Украина») [Кудрявцева 2010: 126].

В русле указанных тенденций интересно отметить, как нелепые комментарии к ситуации на Украине, которые давала спикер Госдепартамента США Дженнифер Псаки, немедленно вызвали целый ряд уничижительных окказиональных образований: *псакнуть, напсакать, один псак* (единица маразма) и др. Можно не сомневаться, что они войдут в список «Слов года 2014».

Как показали наши наблюдения, материал проектов «Слово года» является репрезентативным источником для анализа корреляции между актуальными социальными процессами и дискурсивными практиками. «Слова года» отражают не только специфику общественного

диалога в России, но и креативный потенциал его субъектов. Анализируя материалы, трудно не согласиться с оптимистическим мнением Михаила Эпштейна: «Начался процесс сознательного возвращения в родной язык, оживление вкуса к языкотворчеству, словотворчеству. Этот процесс можно назвать воязыквлением — по сходству с воцерковлением. <...> Воязыквление — это обратное вхождение в язык всех выходцев из него, готовность сомыслить и сотворить ему, выращивать новые, живые побеги на его заскоружлых корнях» [цит. по: Архангельский 2012: 21].

Словарь года обладает большим прагматическим потенциалом. Эта функция новых слов и выражений связана с воздействием на адресата с целью изменения его ценностно-мировоззренческих установок, ментальных и поведенческих актов. В то же время нужно помнить, что мы имеем дело со сложным социокогнитивным процессом, в котором взаимодействие носит двусторонний характер: с одной стороны, сложившиеся и обновляющиеся дискурсивные практики влияют на ментальные модели в сознании адресата, с другой — когнитивные структуры участников политической коммуникации определяют векторы взаимодействия в обществе и тем самым влияют на будущие дискурсы.

Формирование общественного сознания происходит преимущественно с помощью языковых средств: именно в дискурсе конструируется, приобретает смысл объективная реальность. И языковые механизмы играют в этом смыслообразовании наиважнейшую роль. Вряд ли можно ожидать, что в обществе, имеющем демократические устремления, когда-нибудь раз и навсегда сформируется «общий словарь». Но на основе наблюдений за созданием новых единиц политического лексикона можно увидеть попытки построения двустороннего и равноправного публичного диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский А. «Язык политизируется там, где отсутствует политика» // Огонек. 2012. № 51.
2. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М.: Либроком, 2013.
3. Журавлев А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // События номинации в современном русском языке. — М.: Наука, 1982.
4. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М.: Языки русской культуры, 1996. С. 90—141.
5. Иссерс О. С. Дискурсивные практики нашего времени. 2-е изд., испр. — М.: ЛЕНАНД, 2014.
6. Какорина Е. В. Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1998—1995). — М., 1996. С. 409—426.
7. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. — М., 1994.
8. Кудрявцева Л. А. Медиадискурс «посторанжевой» Украины // Русский язык: исторические судьбы и со-

временность : 4 Междунар. конгр. исследователей русского языка : труды и материалы. — М., 2010. С. 126—127.

9. *Попова Т. В., Рацибурская Л. В., Гугунава Д. В.* Неология и неография современного русского языка. — М. : Флинта, 2011.

10. *Путин* о приговоре PR: «Суд залепил им двупечку — они этого хотели». URL: <http://www.fontanka.ru/2012/10/07/036/> (дата обращения: 20.10.2012).

11. *Филина О.* Великодержавный активизм. — Огонек. 2014. № 25.

12. *Харченко В. К.* Современная повседневная речь. — М., 2012.

13. *Шмелева Т. В.* Ключевые слова текущего момента // Colloquium. — Киев, 1993. № 1. С. 33—41.

14. *Шмелева Т. В.* Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 2(28). С. 63—67.

15. *Этштейн М.* Язык — не зеркало общества. URL: http://snob.ru/profile/27356/blog/70175#comment_681703 (дата обращения: 03.01.2014).

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

16. *Пресс-слово года 2012.* URL: www.public.ru/press-word2012 (дата обращения: 10.06.2013).

17. *Слово года-2013.* Главные итоги. URL: <http://snob.ru/profile/27356/blog/69362> (дата обращения: 06.01.2014).

18. *Клейкие листочки.* Слово года-2012. URL: <http://mikhail-epstein.livejournal.com/116703.html> (дата обращения: 10.01.2013).

19. *Словарь года.* URL: http://bg.ru/tags/slovar_goda/ (дата обращения: 08.01.2014).

20. *Word of the Year 2013.* URL: www.merriam-webster.com/.../2013-word-of-th.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.